

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. В мире

Демократия как свобода выбора, совершаемого за нас

Сейчас мало кто помнит либерально-демократическую волну конца 80-х – начала 90-х годов. Я специально не пишу «революционную», поскольку либералы заняли очень интересную позицию. Последние 15 лет на всем постсоветском пространстве они только и делают, что устраивают революции и, одновременно, всячески отбиваются от любой революционности, чуть ли не вынося на баррикады лозунг: «Все великие потрясения – это бедствия, и от них надо отрешиваться, как от ядерной бомбы». Получается своего рода Столыпин в оранжевом шарфике, призывающий обывателей на очередной майдан.

Но майданы заканчиваются, привилегии так и остаются привилегиями, социальное расслоение увеличивается, а демократические завоевания превращаются в свободу ругаться с властью у себя на кухне или на бесконечных митингах, от чего правящим кликам ни холодно ни жарко.

Самое главное, как только демократы приходят к власти, куда-то исчезает основной постулат агитационной машины, что демократия – это свобода выбора. Даже на приземленном уровне видения свободы, увеличения числа информационных каналов, (не важно каких – телевизионных, бумажных или электронных) – это означает только увеличение возможностей компостировать мозги, чтобы люди поверили, что жить им стало хорошо, когда вокруг всем хуже и хуже.

Вспоминать можно многое, но обычно от адептов демократии встречаешь только тот контраргумент, что все проблемы временные и это эксцессы роста. Достаточно немного потерпеть, переждать, пока уйдет наследие прошлого, и наступят новые светлые демократические времена. В Средневековье это уже проходили: в виде обещаний царства божьего на том свете после того, как снимут последнюю рубашку на этом.

Но прислушаемся к голосу оппонентов, и, может быть, действительно никакой катастрофы нет: есть отдельные недостатки, и они – не порождения яда, присущего самой системе. Может быть, когда-то было хорошо, а сейчас всему мешают плохие исполнители, глупый народ, не понимающий своей радости?

В качестве золотого века демократии, того самого «когда-то», включающего в себя все хорошее, что есть в демократической системе управления, практически всегда называют античные Афины с их выборной властью.

Остается только выяснить у историков, насколько всеобъемлюща и непосредственна была система той классической демократии. Итак, афинский полис в период расцвета насчитывал около 250 тысяч жителей, женщины в голосовании не участвовали – их чуть более половины населения. Неграждане в голосовании тоже не участвовали, вычитаем примерно половину из оставшихся; рабы, разумеется, не имеют права голоса; дети и старики не в счет; также числится группа, лишенная избирательных прав (должники и т.д.). В результате, по различным данным, влиять на судьбу Афин могли максимум 10–15 тысяч человек.

Но даже эта цифра представляется несоизмеримо демократичной тому, что имеется во всех (подчеркиваю, именно во всех) современных странах демократической ориентации. Такой процент населения в реальности никогда не влияет на действительное положение страны и вектор ее политики. И тут видна еще одна особенность древних Афин, которая радикально отличает их систему от сегодняшней бутафории представительств, именуемых демократическими институтами. В афинском собрании принимали участие те, кто знал друг друга, и выбирали для представления интересов именно своих знакомых и только в своих личных интересах по принципу общего проживания либо, и даже чаще, общей профессии. В этом плане афинскую демократию можно считать предтечей средневековых городов-коммун с их системой самоуправления и цехового представительства, и уж никак это не похоже на все демократические современные «сдержки и противовесы».

В основе сегодняшней демократии лежит совершенно иной принцип, не тот, что применялся при системе управления, возникавшей в средневековых самоуправляющихся городах и в античных полисах. Вместо системы делегирования в основу современной демократии легла система представительств. Слова почти тождественны, предполагаемые процедуры очень близки, а смысл меняется на прямо противоположный.

При системе делегирования какой-либо сложившийся коллектив (обычно по территориальному или производственному принципу) делегирует право выступать от имени всех человеку, находящемуся внутри этого коллектива, для выполнения организационных функций с такими же автономными объединениями. Вспомните самое великое произведение Платонова – «Котлован», там бригада рабочих делегировала одного из своих членов для представления бригадных интересов, потому что он был слабее других, не вписывался в коллектив и не мог полностью выполнять коллективных обязанностей. То есть делегирование рассматривалось как обязанность (причем не очень приятная, поскольку она отрывала человека от коллектива) и уж никак не привилегия или хотя бы его личное достижение.

Принцип представительства основан на совершенно иной схеме. Определенной группе людей, обычно по принадлежности к национально-территориальным объединениям, предлагают на выбор совершенно незнакомых им лиц, неких Иванова, Петрова, Сидорова. Когда же вы выберете из них одного, он будет вами руководить и представлять ваши интересы.

Сразу возникают вопросы, элементарные по своему характеру, но так и не имеющие ответа. Откуда взялась уверенность, что позиции Иванова, Петрова, Сидорова принципиально различны между собой и при выборе одного из них мы не получим ту же самую политику,

что и при выборе другого? Когда я беседовал с американскими политологами, они говорили, что основной вопрос современной избирательной кампании в США – это вопрос о выводе войск из Ирака и запрет на аборты. Я наивно спрашивал, а как же вопрос ассигнований на ВПК, ограничение прав олигархических семейств, американское военное присутствие чуть ли не в большинстве стран мира или хотя бы использование генетически измененной продукции (пища Франкенштейна), где Америка прочно занимает первое место? Моя наивность споткнулась об их удивление, оказывается, что эти темы как-то вообще находятся вне сферы избирательной кампании. Так что, если вы любите демократию, занимайтесь проблемой абортов, и дальше вас не пустят.

Хорошо, скажут мне критики, это проблемы Америки, но в Европе реально конкурируют политические партии разной направленности, от крайне левой до крайне правой. Конкурировать они могут, только политика власти практически никак не зависит от цвета партийных знамен. Надо провести правую либерализацию – и лейборист Блэр с удовольствием ее провел. Требуется для спасения экономики установить жесткий протекционизм по рекомендациям левых «спецов» – и этим занимался либерал Рузвельт или консерватор де Голль. Один из членов Французской коммунистической партии еще более десяти лет назад говорил мне, что одна из основных задач его партии на ближайшее время – это увеличить социальное пособие на 5% по одному из пунктов выплат. Боюсь, что реальное влияние различных политических сил, приходящих на выборы в странах западной демократии, ограничивается этими же пятью процентами.

Более того, если вдруг в систему демократического голосования вкрадывается реальная альтернатива, что иногда может происходить в не устоявшихся демократических системах, то последствия выглядят трагически. А самое главное, эти последствия никак не совместимы с принципом демократии. В Алжире попробовали провести демократические выборы¹, на них победили исламисты, их вполне демократической победы, разумеется, не признали, что обернулось новым витком кровавых столкновений. В Ливане также вполне демократично победила недемократичная «Хезболла»². Вообще, если возникают демократические выборные институты, то симпатии населения практически всегда отдаются недемократическим силам. В странах устоявшейся демократической системы подобные силы просто отстранены от рычагов влияния и не могут оказать должной конкуренции. Если к этим рычагам влияния они получают доступ, то классический пример нам дала Националсоциалистическая партия Германии, которая, используя демократический метод блокировки, побеждает на выборах совместно с Имперской партией. Как вы помните, второе место заняла не менее далекая от западных ценностей коммунистическая партия.

Так и хочется сказать: «Ау, либералы, ваши ценности приходят только на сытый желудок и при спокойной жизни!» А ради того, чтобы обеспечить такие комфортные условия для одной пятой населения, приходится ограбить остальные четыре пятых населения. Причем, чтобы не породить конфликты внутри страны, грабеж приобретает межконтинентальный характер. В результате над всем миром демократию можно установить только путем миротворческих бомбардировок и гуманитарных акций по истреблению местного населения.

Если даже теоретически мы предположим, что представительская система работает в самых идеальных формах, то каким образом лица, не вышедшие из коллектива, могут представлять его интересы, а уж тем более управлять им? Нас можно назначить вождями африканских племен, но в лучшем случае мы ограничимся поеданием бананов и кокосов и восседанием на туземном троне. В худшем – будем искать выгоду от разворовывания местного достояния и порабощения подданных. Принципы и психология власти от африканских племен до цивилизованной Европы не очень меняются.

А как же система отзыва? Якобы она должна спасти избранного от отрыва от народа и сделать его подконтрольным своей пастве. В былые времена, если правители не удовлетворяли народ, их свергали, а в самой глубокой древности – даже периодически ритуально убивали, обеспечивая очень хорошую ротацию кадров. К сожалению, отзыв таким путем в сегодняшнем мире не практикуется.

Используем запрещенный метод дискуссии и ответим вопросом на вопрос. А кого, собственно, отзывать? Наиболее зарвавшихся реакционных трибунов, чтобы на их место пришли тихие бюрократы, лоббисты и взяточники? Как известно, хрен редьки для избирателя от этого не станет слаще. Даже если все время заниматься бесконечным отзывом своих всенародно любимых избранников, никакого влияния на положение избирателя, его соцобеспечение, правовую защиту и прочие столь важные понятия это никак не окажет по очень простой, я даже вынужден сказать, элементарной причине – у избранников власти нет!

Формально они обладают не только всей полнотой власти, но их властные полномочия всегда доминируют над другими властными ветвями, только в действительности власть одна, и кто когда позволит поделить ее на какие-то ветви? Источник реального определения властных полномочий всегда может быть единственным, на то он и источник, все остальное в лучшем случае его корректировка. Задачей демократических институтов скорее представляется максимальное камуфлирование властного центра, который всегда по удивительным стечениям обстоятельств совпадает с политической и экономической олигархией. Эта олигархия почему-то не подвержена институту отзыва, а вот сдать какого-нибудь наиболее одиозного депутата и тем самым выпустить пар недовольства – это ей вполне под силу.

Или, может быть, я ошибаюсь? Кто-нибудь слышал о том, что отозвали олигарха? Тогда зачем нужен институт отзыва, если в реальности он влияет только на судьбы отдельных людей, не оказывая никакого воздействия на политику страны?

Я чувствую нетерпение демократов, которые устали от вечного оправдания заведомо нечестной системы управления и приводят «последний довод королей»: демократия – это система прав и свобод, а недостатки выборной системы, пускай и неисправимые, для человека вторичны. Когда я слышу подобную аргументацию, у меня возникает один и тот же неизменный вопрос. А как вы собираетесь защищать систему прав и свобод, если политическая система управления способна только их декларировать или в лучшем случае обеспечивать часть из них на ограниченном пространстве путем ущемления прав и свобод абсолютного большинства граждан в других местах? Или же благоденствие, пусть и

относительное, тех, кто приближен к ворами, – это самое главное, а все остальные, кого они ограбили, находятся вне объективов демократии? Если это так, то такая позиция объяснима и по-своему честна, ведь воры, тем более облеченные властью, видят только своих приближенных и в первую очередь испытывают их преданность или неудовольствие.

Раз демократия создает глобальную иерархию и основывает благоденствие меньшинства на постоянном унижении большинства, как по социальному, так и, что встречается чаще, по региональному принципу, то не проще ли признать, что демократии в классическом варианте народного представительства не бывает. Практически сразу, как только она ложится на социально разделенное общество, демократия превращается в олигархию. Структура народного волеизъявления становится проводником влияния олигархических кланов, а любой самый демократический проект не выживает в условиях, когда между его принятием и реализацией стоят посреднические управленческие звенья.

Все остальное укладывается в известную с античности формулу обеспечения стабильности любой системы народного представительства – хлеба и зрелищ. Социальное обеспечение и гарантированный комфорт индустриально ведущих стран мира обеспечивает стабильность работы системы, относительную защищенность прав их обитателей и сравнительную мягкость политической власти. Этот хлеб берется у остальных, которые могут наблюдать за благами цивилизации только по телевизору. Впрочем, 25% населения мира никогда не видели не то что телевизора, в жизни не делали ни одного телефонного звонка.

А зрелища – это та самая демократическая система выборов, при которой мы с удовольствием наблюдаем за дракой кандидатов по вопросам аборт или иной, столь же принципиальной для нас темы. При этом желательно лежать на диване, попивая кока-колу и посмеиваясь над глупостью будущих народных избранников. Зрелище демократии обеспечено.

Всем своим даром предвидения чувствую, что сейчас подымут дух Черчилля, чтобы снова рассказать байку, что демократия – это очень плохая система, но лучшей еще никто не придумал. Складывается впечатление, что у нас общество состоит из профессиональных мазохистов, выбирающих только плохое. Мы едим плохие продукты, ведь есть более ядовитые, смотрим отвратительные фильмы, а есть еще более тупые, и выбираем отвратительных спутников жизни, радуясь, что они оказались не серийными маньяками. Если это действительно ваш вкус, то тогда вам обязательно надо становиться верными поклонниками демократических ценностей и играть в шоу под названием выборы.

Опубликовано 19 апреля 2008 г. на сайте Института «Коллективное действие»: www.ikd.ru

Беларусь в преддверии гражданского конфликта

Сегодняшняя ситуация в республике приводит к перерастанию политического противостояния в стадию прямого силового конфликта. Формальной основой столкновения

является наличие двух центров власти, оспаривающих легитимность существования друг друга. Разогнанный парламент стал декларируемым знаменем оппозиции, показателем законности ее требований. С другой стороны, президентская власть, не чувствуя достаточной легитимности своего существования, все больше прибегает к авторитарным методам.

Общим правилом управления страной стало полное пренебрежение Конституцией и законами Беларуси. Регулирование правового положения определяется в первую очередь декретами Президента. Содержание норм, зафиксированных в этих декретах, подчас полностью игнорирует законодательную базу страны и противоречит общепризнанным правам человека. Так, Декрет № 5 от 05.03.97 помимо крайне жестких условий проведения митингов и демонстраций устанавливает систему штрафов за административные преступления, фактически приводящую к полной конфискации имущества. Декрет от 18.03.97 ограничивает и ставит под государственный цензовый контроль провоз печатной литературы через границу, что ставит под угрозу существование большинства независимых изданий. Статус безработного и пособие по безработице – по Указу Президента – можно получить, только отработав определенное количество времени «на общественных работах», что является, по сути, формой принудительного труда. Это одни из самых ярких примеров общей тенденции правового волюнтаризма.

Оппозиционные силы практически лишены возможности легально влиять на действия власти. Парламентская оппозиция отсутствует. Все звенья законодательной, исполнительной и судебной власти находятся под жестким контролем со стороны Президента. Оппозиционные выступления в печати полностью игнорируются. Попытки защитить свои права через иные институты гражданского общества (профсоюзы, общественные объединения) либо также игнорируются, либо вообще преследуются.

На этом фоне авторитарная концентрация власти становится очевидной. Официальные СМИ крайне ангажированы. Пропагандой насаждается некий «культ» Лукашенко при создании «образа врага» в отношении оппозиции. Ситуация усугубляется проводимой под кампанию «по борьбе с коррупцией» чисткой государственного аппарата, правоохранительных органов и армии и возникновением влиятельного слоя недовольных политикой Лукашенко в силовых структурах.

Ликвидация легальных каналов воздействия на власть приводит к резкой радикализации оппозиции. Сегодня радикальные настроения в оппозиционной среде являются, очевидно, доминирующими. Появились и националистические тенденции. С другой стороны, силы, выступающие за Лукашенко, опираются на отчетливо имперскую идеологию. В столкновении двух крайних идейных течений какие-либо полутона становятся все менее заметны.

Радикализация наблюдается не только в настроениях общества, но и в реальной политической жизни. При отсутствии поля для цивилизованных социальных баталий силовые столкновения становятся главными и практически единственными политическими событиями в республике. Причем это относится не только к столице, но уже и к периферии. Поляризация имеет место и на уровне массового сознания, где происходит разделение и по

социальному признаку (интеллигенция и молодая оппозиция) с одной стороны, обыватели и крестьяне (опора режима Лукашенко) – с другой. И по региональному (столица и крупные города против периферии) признаку. Важно отметить, что для обеих групп характерен своего рода солипсизм, т.е. все пребывают в убеждении, что оппозиции как таковой не существует. Безусловно, большинство населения на стороне президента Лукашенко – ведь в Белоруссии, в отличие от России, регулярно платят зарплату, а процесс экономической поляризации не зашел так далеко. По этой причине у белорусского обывателя, крестьянина, чиновника, а также у части рабочих отношение к Лукашенко позитивное, а отношение к противостоящим силам скорее отрицательное, так что в повседневной жизни эти люди не сталкиваются с оппозиционными настроениями. Поэтому с точки зрения этой группы населения антилукашенковская оппозиция представляет собой лишь жалкую кучку отщепенцев. С другой стороны, большинство интеллигенции, молодежь и некоторая часть рабочих настроены враждебно по отношению к режиму. Здесь важно отметить, что против Лукашенко выступила практически вся политическая элита Белоруссии. Политические противники президента выходят на улицы, где им противостоит лишь полиция, и не видят почти никого, кто публично защищал бы Лукашенко.

Центристские и умеренные силы в Белоруссии отсутствуют полностью. Бывшие ранее таковыми сейчас полностью радикализировались. Какое-либо разнообразие политических требований отсутствует. На обоих полюсах происходят концентрация и тенденция к единению с центрами создания мощных блоков при прямом конфликте. О готовности к этому свидетельствует тот факт, что лидеры многих ведущих политических сил на вопрос о возможности перерастания конфликта в непосредственный и вооруженный отвечают утвердительно. Нарастанию напряженности способствуют и массовые случаи нарушения гражданских политических прав.

Под постоянной угрозой находится свободная пресса. Высылка журналиста НТВ А. Ступникова, обстрел неизвестными квартиры главного редактора газеты «Свобода» И. Герменчука, постоянные угрозы со стороны президента в адрес отечественных и зарубежных журналистов, судебные иски и многие другие факты делают положение независимой прессы крайне неустойчивым. Существуют факты прекращения финансирования ряда изданий («Наше слово», русскоязычный «Фокус»). Особое беспокойство вызывает объявленная президентом Лукашенко перерегистрация СМИ и переаккредитация иностранных журналистов, так как возможно закрытие неугодной властям периодики.

Прямым гонениям подвергаются и оппозиционные силы. Помимо постоянных нападков со стороны пропрезидентских СМИ существуют и факты гонения на активистов оппозиции. Учащиеся вузов сталкиваются с угрозами исключения из институтов, причем если раньше это подводилось под академическое основание, то теперь все чаще административные санкции применяются по политическим мотивам. Есть факты непосредственных нападений или заведений уголовных дел на оппозиционных деятелей. Так, 28 сентября 1996 года в Гомеле был до смерти избит сотрудниками милиции 16-летний К. Москвин. Последующее судебное разбирательство имело явно пристрастный и необъективный характер. По сфабрикованному обвинению ведется следствие против предпринимателя В.Н.Семенова (Могилев), в свое время отказавшего еще депутату Лукашенко в поддержке. Чем, вероятно,

и объясняется личная заинтересованность президента в обвинительном приговоре по данному делу.

Широкомасштабный характер приняла кампания по преследованию лидеров оппозиционных сил. Судебным преследованиям подверглись: один из лидеров БНФ Юрий Ходыко, вице-спикер разогнанного парламента Геннадий Карпенко, лидер оппозиционных коммунистов Василий Новиков. Судебному преследованию вместе с «осадой» квартиры неизвестными людьми подвергается лидер БДП «Народная Громада» Николай Статкевич. 2 апреля был краткосрочно задержан председатель разогнанного парламента Семен Шарецкий. Постоянная «охота» во время массовых акций ведется за одним из лидеров оппозиционных коммунистов Валерием Щукиным, который как 1, так и 2 апреля, был жестоко избит.

Самые серьезные нарушения прав человека происходят в ходе проведения акций протеста, во время которых избиения и аресты милицией носят массовый характер. Наиболее антиправовой характер имеет недавно возникшая практика «зачистки», когда сотрудниками правоохранительных органов оцепляется целый район и в нем производятся аресты, в том числе и лиц, никак не участвующих в акции. Вообще случаи арестов лиц, не имеющих отношения к акциям протеста, являются обычными.

Нарушения прав человека в ходе проведения акций протеста отличаются помимо массовости и своим характером. Все чаще аресты участников происходят не в ходе самих событий, а в удаленных местах. Это осложняет выяснение численности задержанных и оказание им какойлибо помощи. Распространены случаи арестов людей лицами в гражданской одежде, отказов представиться при задержаниях, избиений в ходе их проведения.

При подавлении акций протеста жертвами действий милиции постоянно оказываются журналисты. Число арестованных и избитых среди них очень велико. Существуют многочисленные случаи воспрепятствования работе журналистов и сознательного оказания на них физического воздействия.

Антиправовые действия милиции сочетаются с насильственными и провокационными действиями самих оппозиционеров. Например во время событий 2 апреля демонстранты первыми стали кидать в сотрудников милиции камни и различные предметы. Участники акций практически каждый раз отклоняются от официально разрешенного места проведения шествий и митингов. Силовое сопротивление сотрудникам правоохранительных органов стало массовым явлением. Среди пострадавших во время столкновений оказываются и сотрудники милиции.

Следует особо отметить и наличие националистических моментов в выступлениях и лозунгах демонстрантов. В частности, одним из основных плакатов митингующих во время событий 2 апреля стал лозунг: «Русские идут!».

Тотальное попрание гражданских и политических прав продолжается и при рассмотрении дел арестованных в суде. И подсудимые, и просто зрители на процессах повсеместно указывают на недобросовестность судей. Сами судьи в частных беседах жалуются на

подчиненный характер своего положения. Очень часто единственными свидетелями становятся сотрудники милиции, производившие задержание. При этом распространены случаи, когда свидетель на суде не совпадает с лицом, производившим задержание или оформившим протокол задержания, либо один свидетель дает показания на лиц, арестованных в одно время в разных местах. Постоянным фактом становится признание того, что свидетели обвинения не разбираются в обстоятельствах дела, путая время, место, обстоятельства ареста. Все приговоры определяются еще до начала суда. Значительное усиление ответственности за несанкционированные политические акции в сочетании с недобросовестностью судопроизводства можно рассматривать как практику судебного преследования представителей оппозиции.

Плохими условиями характеризуется и содержание под стражей. Вышедшие из заключения постоянно отмечают плохое питание, недостаточное медицинское обеспечение, несоблюдение санитарных норм. Еда не только некачественная – ее дают раз в сутки.

Подавлению подвергаются и все акты социального протеста. Помимо прямого подавления выступлений трудящихся (забастовка на минском метрополитене в 1995 году, когда были приглашены штрейкбрехеры, разогнанный милицией рабочий марш из Солигорска в октябре 1996 года), существует постоянная практика давления на профсоюзных и трудовых активистов. Угрозы и факты увольнения по статье за профнепригодность, попытки администрации насильственно «слить» ячейки официальных и независимых профсоюзов, запрет на проведение собраний на предприятиях постоянно применяются к отделениям независимых профсоюзов. Особое распространение получили длительные задержки перечисления профсоюзных взносов на счета независимых профсоюзов. На ряде предприятий администрация отказывается заключать коллективные договоры с представителями ячеек этих профсоюзов. Вопиющим фактом произвола выглядит отказ в регистрации Белорусскому Конгрессу Демократических Профсоюзов³, и процесс по этому делу, тянувшийся уже длительное время. Вместе с тем следует отметить, что в Белоруссии, в отличие от России, несмотря на общую низкую заработную плату, нет значительных задержек по выплатам населению.

В целом политическая ситуация в Белоруссии характеризуется разрушением институтов гражданского общества, постепенным ограничением гражданских прав и авторитарными методами управления страной. Ликвидация легальных возможностей воздействия на власть приводит к радикализации и концентрации оппозиции. Отсутствие и профанация институтов политического представительства создают почву для силовых конфликтов как единственного действенного способа проявления общественного недовольства. Резкая радикализация и поляризация настроений в обществе в сочетании с наличием двух формальных центров власти и постепенным ухудшением социального положения населения приводят к появлению основы для скорого силового гражданского конфликта в Белоруссии.

Хроника событий в Минске – апрель 1997 г.

1 апреля

Запланированная ранее акция «День смеха – объединения с Россией» и намечаемые «проводы» оппозицией представителей Беларуси на подписание договора с Россией не состоялись, так как большинство членов официальной делегации уехали в Москву еще 31 марта. Однако значительное число журналистов и просто любопытствующих все-таки пришло вечером к скверику на улице Кирова. В течение дня в центральных районах города зафиксировано также значительное скопление милиции и ОМОНа.

Приблизительно без четверти семнадцать сквер на улице Кирова оцепила милиция и перекрыла пешеходное движение. Свои действия сотрудники правоохранительных органов объясняли отказывались или отвечали требованиями разойтись. Кстати, по свидетельству арестованных, часть из них задержаны именно из-за того, что они возмущались действиями милиции и необходимостью делать значительный «крюк» из-за оцепления. Оцепление сопровождалось вещанием громкоговорителей с милицейской машины о «запрете массовых мероприятий», вызывавшим дружный свист у собравшихся. Это была единственная акция присутствующих, поскольку за весь вечер попыток поднятия флага, скандирования, призывов через мегафон зафиксировано не было.

Задержания производились первоначально в отношении людей, отказывавшихся освободить лавочки в сквере, и лиц, настаивающих на проходе через милицейское оцепление. При арестах применялись и меры физического воздействия. Приблизительно через час милиция начала производить «зачистку» улицы Кирова в сторону привокзальной площади. Те, кто не успевал спрятаться в магазине или укрыться в проходящем автобусе, оказались арестованными.

Особенно жестокому обращению при аресте подвергся депутат Верховного Совета 13-го созыва, корреспондент газеты «Товарищ» В. Щукин. Предварительно он предъявил журналистское удостоверение старшему в оцеплении и был задержан в момент взятия интервью. Он подвергся жестокому избиению – и при задержании, и при доставке его в Октябрьский РОВД. Сотрудники милиции не скрывали того факта, что знали и его лично, и о его журналистской деятельности. Арестованные были подвергнуты принудительному фотографированию. Всего, по данным независимых источников, в этот день было задержано около сорока человек.

2 апреля

На этот день планировались митинг сторонников объединения с Россией (в 17 часов в Парке Горького) и митинг оппозиции на пл. Парижской коммуны в 18 часов. Однако в городе были распространены листовки, призывающие противников союза тоже прийти к Парку Горького.

В назначенное время в парке собрались представители пропрезидентской коммунистической партии, молодежного союза «Прямое действие» и Патриотического Союза Молодежи⁴ общей численностью около 200 человек. Одновременно начали прибывать представители оппозиции, отвечавшие свистом и выкриками на каждое выступление митингующих. Из-за того, что основные противостоящие силы были разделены оградой парка и оцеплением милиции, «выяснение отношений» не пошло дальше взаимных оскорблений.

Приблизительно через 20 минут оппозиционеры, подняв белокрасно-белые флаги начали несанкционированное шествие в сторону пл. Парижской коммуны. Во время шествия велось скандирование: «Незалежность!» (Независимость) и «Жыве, Беларусь!». На обращение милиции через мегафон о незаконности манифестации и о персональной ответственности участников демонстранты дружно реагировали криками «Ганьба!» (Позор). Во время шествия некоторые его участники кидали в милицию мелкие камешки и другие предметы.

Продвигаясь в сторону пл. Парижской коммуны, демонстранты на некоторое время перекрыли улицу Янки Купалы. Происходили первые попытки задержания участников, но пока обходилось без силовых столкновений. Митинг долгое время не начинался, и складывалось впечатление, что организаторы не ожидали беспрепятственного прохода колонны до места официально разрешенного митинга. Число участников колебалось около одной тысячи человек (с учетом стоящих вокруг зрителей – до 1,5 тысячи). Демонстранты, помимо бело-красно-белых флагов и флагов Объединенной Гражданской Партии поднимали лозунг «Русские идут!». Во время митинга наиболее радикальная часть демонстрантов под флагом молодежной фракции БНФ захотела организовать шествие в сторону российского посольства, но первая попытка им не удалась.

Вторая попытка оказалась успешной, и большинство митингующих двинулось в сторону российского посольства. Организованно не участвовали в данном шествии лишь представители ПТ (Партия Труда). Приблизительно в 19 часов манифестанты перекрыли движение на ул. Богдановича. Почти сразу же вслед за ними начали высаживаться из автобусов и перемещаться отряды ОМОНа, которые напали на задние ряды демонстрантов. Сама колонна, столкнувшись с кордонами милиции у российского посольства, снова пыталась передать им тыкву (древний символ отказа от сватовства). Затем в ряды милиции полетели камни, палки, подручные предметы. Отряды милиции и спецназа начали без предупреждения «гнать» оппозиционеров вдоль ул. Коммунистической.

Часть демонстрантов пыталась укрыться во дворах и переулках. Другая, отбиваясь и сопротивляясь, уходила в сторону ул. Варвашени, на подступах к которой и распалась. Действия сил правопорядка отличались особой жестокостью. Избиению и арестам подвергались не только участники, но и зрители, случайно проходившие мимо люди. Так был задержан наблюдавший за происходящим гражданин Я. Сейто. Жестоким избиениям и задержаниям подвергались также женщины и престарелые. Милиция и спецназовцы ограничивались действиями на улице, вылавливая и избивая демонстрантов во дворах.

Пострадали многие журналисты. Был снова зверски избит Валерий Щукин, за которым велась настоящая охота. Серьезно избиты корреспондент «Итогов» Татьяна Холина и ее муж Владимир (отбиты почки). Имелись случаи уничтожения журналистской аппаратуры. Нападения происходили и на иностранных журналистов. Попытка задержания была предпринята к польскому журналисту Ц. Галиньскому («Выборча», Варшава); отбит демонстрантами. Преследованию подвергались и лица, ведущие киносъемку. Имелись факты, когда милиция не обращала внимания на удостоверения-бэджи. Так, был задержан и избит наблюдатель от Белорусского Хельсинкского комитета Д.В. Носов.

В целом можно говорить о крайне жестоком характере действий сотрудников милиции. Особо следует отметить дело Белоцерковца Николая Николаевича. Инвалид второй группы с детства, состоящий на учете в психоневрологическом диспансере, был арестован милицией, несмотря на имеющееся у него удостоверение об инвалидности. Удостоверение было отобрано в отделении милиции, а дело передано в суд, который присудил его к штрафу свыше 6 млн рублей. По возвращении домой 3 апреля на его теле обнаружены следы избиения.

Особого внимания заслуживает примененная милицией практика «зачистки». Она заключалась в оцеплении целого района и массовых арестах внутри него, в том числе и лиц, никак не связанных с происходящей акцией. Распространены случаи арестов граждан лицами в гражданской форме без предъявления документов.

Непосредственные активные столкновения и аресты продолжались около часа. Последняя группа участников, состоявшая уже в основном из журналистов и свидетелей, оставалась, обмениваясь впечатлениями, на ул. Коммунистической у кафе «Восход». Уже никаких лозунгов и флагов не поднималось, скандирования не было. Несмотря на это около 25 человек с применением физической силы были арестованы. В процессе задержания ОМОН вбегал вслед за пытавшимися укрыться даже в кафе.

Вообще, напряженная обстановка характерна не только для места и времени проведения акции. В течение всего дня в центре города находились мощные силы специальных подразделений милиции. На улице Янки Купалы в первой половине дня, задолго до начала акции зафиксирован арест неизвестного гражданина лицами без формальных знаков отличия. Несколько граждан были тяжело избиты ОМОНом на пр. Машерова – на значительном удалении от места событий...

В целом, по официальным данным, заведено 76 дел, трое из демонстрантов обратились в больницу. По неофициальным данным, число задержанных и пострадавших доходит до 300 человек.

Опубликовано в журнале «Наперекор» в 1997 г., № 6

Выборы властью нужного ей народа

По всем канонам апофеозом демократии является институт выборов, когда народ, проявляющий свою сознательность и мудрость, мирно и законно меняет правителей или доверяет им и дальше управлять за себя, засыпая на последующие 4–5 лет. Мирная и безболезненная передача власти всегда являлась основным козырем демократической системы. Естественно, когда появились страны так называемой «новой демократии», то именно эта система выборов была основной надеждой демократов всех мастей и званий, нервно передергивающихся при воспоминании о геронтократии вымирающих кремлевских старперов 70-х – 80-х годов.

Выборы не получились. Вернее, они были, и это главное политическое событие для всех стран на постсоветском пространстве. Даже в Туркменистане сначала все было преисполнено самыми фантастическими картинами, когда менялась политическая власть после окончательной деградации из человеческого существования луноликого, а потом все опять долго и упорно учились выговаривать имя нового среднеазиатского бая⁵. Но каждый раз вместо выборов мы получаем либо столкновения власти с народом, либо прямую патерналистскую передачу скипетра и державы по образцу верноподданнического преемства. Иногда, без всякого стеснения, в точном монархическом духе – от отца к сыну. Причем независимо от того, были столкновения или нет, демонстрация полного игнорирования властями волеизъявления своих граждан является обязательным элементом любой демократической системы на наших широких евразийских просторах.

Где же тогда то самое главное достижение демократии, и почему опять не получилось – чему стала самым ярким доказательством Армения, которая старалась хотя бы внешне соблюдать демократические процедуры?⁶

Не мы первыми задаемся этим вопросом, все время слышим сетования на не устоявшуюся демократическую систему, отсутствие политических ценностей и пр. Уже 15 лет как у нас демократия, и в большинстве стран бывшего советского пространства власть только и делает, что клянется в своей демократичности, а демократические выборы и не думают укореняться, ценности не приходят, и если в обществе есть реальная оппозиция, то на следующих выборах жди обязательных народных волнений. Гадалки могут отдыхать, мы и без них на 100% предскажем, что в любой из постсоветских стран выборы обернутся либо самодержавной передачей власти представителю того же клана либо обязательными серьезными столкновениями.

Вопрос о мировоззрении исключаем, мы – дети разных культур, религий и традиций, а за 15-летие демократии бывшие советские республики постарались отделиться и отдалиться друг от друга настолько, насколько смогли.

Так почему же на Западе – спокойные выборы со сменой власти, а у нас снова сожженные машины, чрезвычайное положение и силы правопорядка, дерущиеся с собственным народом? На Западе при смене власти в реальности ничего не меняется, а у нас меняется самое главное – меняется клан, который получает непосредственную выгоду от пользования своим народом и его богатствами.

Устойчивость западной системы определяется тем, что на протяжении столетий она росла на богатствах всего остального мира, который нещадно эксплуатировался. И даже сейчас деньги, идущие в развитые страны из бедного Юга каждый год, значительно превышают суммы, направляемые с богатого Севера на Юг путем кредитов, гуманитарной помощи и прочего. За последнее время к подкармливанию западной демократии присоединились и мы, отправляя туда все имеющиеся ресурсы.

Очень легко устраивать демократию на таком материальном фундаменте. Это как плесень на продуктовом складе: паразиты могут меняться, но раз свежие продукты подкидывают, то и плесень не исчезнет, а будет расцветать дальше.

Нашим властям в этом плане «сложнее», им приходится жить не за счет ресурсов всего мира, а только обворовывая свой народ. И если один клан уходит от власти, то он буквально остается ни с чем. «Ни с чем», разумеется, по их олигархическим меркам. Клан у нас не может жить по 4–7 лет и более в ожидании доступа к корыту изобилия. В наших странах нет резерва, мы не можем устраивать свое благополучие за счет постоянного притока новых ресурсов из-за рубежа. Западные кредиты ставят в зависимость нас, а не их.

Что остается? Майданы, живые баррикады из демонстрантов, чрезвычайные положения и очередные сцены «установления демократии» на высокопрофессиональных журналистских кадрах CNN и Euronews. Профессионализм работы журналистов, которые вы можете увидеть сами, это единственное, что радует в наших выборах.

Опубликовано в марте 2008 г. на сайте Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Грузия: конец демократии?

После «революции роз»⁷ Грузия превратилась в «обетованный край» для всех демократов постсоветского пространства. Страна, которая делала явные социально-экономические успехи в сочетании с жесткой антироссийской ориентацией и сохранением свобод для внутривластных сил, выглядела реализацией либеральной мечты 90-х годов. Даже раздираемая на две части Украина не могла служить таким образцом победы свободы и демократии, как «саакашвилиевская» Грузия.

Мифы с трудом создаются, но рушатся в одночасье. Саакашвили не выдержал нескольких тысяч недовольных и ответил силой на мирный протест⁸.

Обвиненная в недемократизме украинская власть не решилась применять силу против оранжевого майдана, киргизские правители также не захотели идти на силовой путь подавления «революции тюльпанов», а демократия в Грузии встречает оппозицию резиновыми пулями и слезоточивым газом. Никто не утверждает, что оппозиция, собравшаяся в центре Тбилиси, лучше, чем Саакашвили и его окружение. Возможно, приди к власти пестрое политическое одеяло грузинской оппозиции, все стало бы намного хуже.

Саакашвили наверняка останется у власти. Все правители, кто решился на применение силы против бунтарей, закрепляются надолго у руководства бывшими советскими республиками. Просто Саакашвили стал в круг жестких патерналистских режимов, вошел в общий клуб вождей, где уже были Алиев, Каримов, Лукашенко и другие, а еще раньше – Ельцин с его сентябрем – октябрем 93-го. Саакашвили остался, – умер миф о мягкой демократии, способной «переваривать» любые оппозиционные наступления и при этом делать жизнь людей все лучше и лучше. Власть остается властью, на обломках советского прошлого выживают только те режимы, которые жестко задавливают своих оппонентов, а какие лозунги они поднимают: демократия, суверенитет, социализм, традиции, социальные гарантии и пр. – дело глубоко второстепенное.

В стабильных политических условиях требования грузинской оппозиции могли бы стать предметом очень жестких дискуссий в Парламенте и, в крайнем случае, поводом для пары мирных манифестаций. Даже погромы в Париже, беспорядки в Берлине или Лондоне не привели к чрезвычайному положению по всей стране. А теперь представьте, что подобные события произойдут в любой из постсоветских республик. Вся разница между демократами и недемократами будет заключаться в том, какие пули для разгона они применят – резиновые или настоящие.

Как же идеи, лозунги? В Таджикистане во время гражданской войны «юрчики» и «вовчики»⁹, как противоборствующие стороны, тоже делили между собой лозунги. «Вовчики» на правах первых взяли демократию и исламизм, «юрчикам» остались коммунизм и советская власть. При этом насилие и жестокость использовали обе силы без ограничения.

Постсоветские республики не так далеко ушли друг от друга, и выбор между красными и белыми, демократами и коммунистами, пророссийской или проамериканской позицией означает просто желание идти под крылом более сильного. Если сильный меняется, то можно резко поменять ориентацию, как президент Молдовы Воронин, накануне выборов срочно перекусивший из коммуниста в стопроцентного пророссийского демократа. Намечавшаяся молдавская революция тут же отменилась, хотя кроме смены ориентации вождя, в республике не изменилось ровным счетом ничего.

Вы спросите: «Как же справедливость?» Присмотритесь к фотографиям, она где-то мечется меж полицейских сапог или смывается в небытие струями водометов.

Опубликовано в марте 2008 г. на сайте Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

С «Крыши мира» льется кровь

С «Крыши мира» нам на голову льется кровь¹⁰.

Как от всякой неприятной неожиданности, мы пытаемся от нее отстраниться, сказать себе, что Тибет далеко, нас это не касается и, вообще то, что там происходит, – случайность. Слишком явно ломает произошедшее там все сложившиеся в российском обществе стереотипы. Слишком резко контрастирует с нашей мечтой о сытой и довольной стране, с сильной властью, в виде которой нам все больше начинал представляться чуть ли не сказочный Китай.

У нас сложилась психология мелких зажавшихся кулаков-миroeдов, которые, чуть вырвавшись из круга бедности, смотрят свысока на своих собратьев, ничего не желая о них больше знать. Все свои надежды и проблемы мы сравниваем только с Европой и Северной Америкой, представляя весь остальной мир в виде большой помойки с варварскими племенами, в чью сторону и глядеть-то стыдно. Этот образ варваров-папуасов очень крепко вбивался нам в мозги, и наше общество его радостно проглатывало, представляя Третий мир в лучшем случае в виде курортных пальм, куда можно съездить в отпуск погреться на пляже и поиздеваться над «бесхвостыми обезьянами».

Воротилы «цивилизованного» мира нашему имперскому патриотизму очень радовались все эти годы, имея нас, как Африку, Азию и Латинскую Америку вместе взятых. Пока россияне надувались имперской спесью, из страны качали за бесценок все возможные ресурсы, грабя ее точно так же, как многие сотни лет разграбляют Африку, Азию и остальной столь нами презируемый мир.

Наконец поняв, что «гордость великороссов» плохо сочетается с позицией добровольной жертвы международного грабежа, взоры националпатриотов и всяческих державников уперлись в Великую китайскую стену, за которой они увидели «Землю обетованную». Правда, расположенная там, «Поднебесная империя» усиленно браконьерит в дальневосточных российских районах, выжимает оттуда русское население и в буквальном смысле размывает российскую территорию, меняя русло Амура. Но кто будет обращать внимание на такие мелочи, когда на кону метафизические понятия «империя» и «держава»?

И тут вдруг такой облом. Якобы спокойный и якобы сытый Китай, творящий экономическое чудо на рабском труде своих граждан и режиме наибольшего экономического приятствия со стороны Соединенных Штатов, вдруг взорвался Тибетом. Этот взрыв столь исторически неизбежен, сколь и совершенно неожидан и несуразен для господствующих у нас общественных мифов.

Итак, у нас считается, что экономическая свобода должна привести к такой же свободе политической, процветанию и всеобщей радости. Один из самых злостных и опасных либеральных мифов. Экономическая свобода в Китае не только не приводит к смягчению режима, но и провоцирует там новые витки политического давления. Международному сообществу в лице корпораций (любое иное сообщество на международной арене реального веса не имеет) на все изыски китайской политики глубоко наплевать, потому что Китай – это крупнейший экономический полигон, где можно производить чуть ли не неограниченное множество продукции по демпинговым ценам.

При всей своей культурной симпатичности Тибет просто мешает тотальной экономической прибыли и должен быть в скором времени китаизирован. Кстати могу напомнить, что процесс насильственной китаизации Тибета и потери им автономии очень знаково назывался демократическими реформами.

Миф второй: любые вспышки сепаратизма, протестов и иных недовольств против столь «прогрессивной» имперской власти всегда провоцируются и моделируются извне. Это любимый миф наших национал-патриотов, не понимающих, что человек может протестовать, потому что его обидели и ему плохо, а не по причине денежных подачек из-за рубежа. В случае Тибета внешние факторы, наоборот, тормозят выступления, стараются сделать все, чтобы они сошли на нет или хотя бы приняли ненасильственный характер. Духовный глава Тибета в изгнании, Далай-лама XIV пытается остановить волну протеста даже угрозой собственной отставки. Не понимаю, правда, как может уйти в отставку лицо с невыборного поста, который занимают исключительно сакральным путем? Но факт остается фактом, на сегодняшний день даже из стран и сил, откровенно не симпатизирующих Китаю, нет тех, кто заинтересован в тибетском восстании. А восстание все равно есть.

Уже не столько мифом, сколько незыблемым постулатом для всего мира является правило, что государство строится по национальному признаку. Каждый раз в истории люди обжигаются об это правило и продолжают в него все так же свято верить. То рассеянные по миру евреи вспоминают о своем государстве трехтысячелетней давности и создают немыслимую по запутанности арабо-израильскую проблему, то никогда не имевшие государства курды начинают доказывать, что они тоже полноценная нация, и создают очаг гражданской войны в нескольких государствах сразу. Я уже не говорю о попытках расширить свою национальность до каких-либо немыслимых исторических, метафизических или суперэтнических границ типа фашистской Германии или кхмерской Кампучии Пол Пота.

Если мы признаем нацию основной силой, образующей государство, то как быть с теми национальностями, которые оказались в составе иных государств? Невозможно себе представить, чтобы была у каждой нации своя страна. Кто себе может наяву вообразить химеру государства цыган или представить на сколько стран должна распасться Россия. А если мы вспомним еще субэтноты, то идея национального государства плавно превращается в новую мировую войну, не затухающую до полного уничтожения большинства народов.

Особенность Тибета в том, что его население в меньшей степени подвержено национализму, чем народы иных непризнанных государств. Далай-лама вообще выступает оплотом пацифизма и пользуется непререкаемым авторитетом среди тибетцев. Несмотря на то, что его портрет висит в доме каждого тибетца, все призывы о мире духовного главы повисают в воздухе, а тибетцы продолжают выступать, подрывая на корню миф о национальном государстве.

В конце концов в том же Китае живет огромное число национальностей, многие из которых еще более отличаются от ханьцев – крупнейшей этнической группы Китая – и подвержены еще большему национализму. Однако восстал именно Тибет. Значит, дело не просто в национальном государстве и столкновении национальных интересов. Эти факторы уходят на второй план, что повергает в душевный трепет всех международных идеологов и политологов.

Мы были уверены, что подобные выступления совершаются, когда центральная власть слаба и империя рушится. Своя рубашка ближе к телу, а опыт развала Советского Союза продолжает нам сниться в страшных снах. Пора проснуться, Китай находится на пике политического, военного и экономического могущества, о внутреннем разладе периода Тяньаньмэня 1989 года уже все забыли, а Тибету это не мешает бастовать. Имперское мышление опять сталкивается с реальностью, и остается расставаться с национальными либеральными архетипами либо сходить с ума. Наши эксперты выбрали третий путь, они вообще никак не комментируют события в Тибете.

С неменьшим энтузиазмом нам вдалбливали в голову, что восстание – удел слабых и нищих, а экономически преуспевающий и перспективный регион имеет прививку от бунтов. Им вроде как некогда бастовать, они делают деньги. В последние годы Тибет превращается, вернее, превращался, в один из крупнейших туристических центров мира. План экономического освоения Тибета, предложенный Пекином, предполагал явный рост благосостояния для жителей Тибета вплоть до их процветания, несмотря на чуть ли не

принудительный ввоз китайского населения в огромных, несусветных количествах. То, что при реализации этого плана будет нанесен непоправимый удар по экологии, а тибетцы полностью потеряют идентичность, является для капиталистов сущими пустяками по сравнению с задачей сделать регион доходным. Впрочем, мы с вами привыкли к подобной логике. О национальных различиях они вспоминают, когда сталкиваются с социальным протестом, а действуют сами абсолютно идентично и интернационально. Как говорится – прибыль национальности не имеет.

И вот вместо того, чтобы радоваться свалившемуся на них счастью, тибетцы начинают восставать. Это при том, что реально уже сейчас начинает ощущаться рост экономического благополучия, регион отнюдь не выглядел экономически депрессивным, а от возможности роста буквально кружило голову.

Все-таки, видимо, с «Крыши мира» видно лучше. И пусть оттуда льется кровь, но она смывает пелену лжи, которой вот уже столько лет пичкают наши головы. И пусть восстание в Тибете выглядит обреченным, а данные о соотношении сил такие, что оно должно было прекратиться еще на стадии первых мыслей о нем, это несуразное для мировой политической элиты выступление способно сломать господствующие мифы, и своей основной цели оно уже добилось. Остается лишь задуматься, а не брезгливо отмахиваться от льющейся крови.

Опубликовано на сайте Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Версия #1

Зверобой создал 14 апреля 2025 23:41:00

Зверобой обновил 15 апреля 2025 01:04:28